

I 427.222

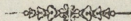
РОГНЪ ДА-ГОРИСЛАВА

ПОВѢСТЬ ИСТОРИЧЕСКА

зъ X. столѣтія (979 — 986).

сочинитель

Васил' Ільницькій.

ВО ЛЬВОВѢ.

Типомъ Института Ставропигіанскаго
1860.

Def. : ss. 45-46 мѣста.

ПОТН ДАА-ТОПН СВА

НОРДНА ИСТОРИЈСКА

ДР. Х. СТОЈАНОВИЋ (1879 - 1980)

БИБЛИОТЕКА
БН
КОЛОД

1427.222

НО ЛРОБ

Томска Историјска Градина

1980.

1961. K. 928/37/4

ДО ЧИТАТЕЛЯ.

Вручаю ти милый читателю первую поэзию цвѣтку, взросло на моей пито-
мой нивѣ; — суди якъ ти вкусъ твой
скаже и твое розумѣніе. — Повесть осно-
вана на преданію исторіи, записаномъ въ
Даврент. летописи. Двояка мысль вела
мя въ твореню повѣсти сей: а) хотѣлъ-
емъ дати образъ тогдашней жизни на
Руси, — о кѣмко догадати ся можна
въ дуже дробныхъ и скупыхъ датъ исто-
рическихъ; в) хотѣлъ емъ оказати бла-
женство и превосходительность духа

Христіанства въ противо-положенію съ поганствомъ. — Трудне за правду заданье; — для того нѣкто ся не подивуе, же розвязанье не конче совершенне.

Василій Илицикій.

Рогнеда Горислава.

Осѣнный поранокъ. Гдсты мраки засла-
нають образъ Полоцка; леше зъ вашты замка,
которого рысы ледво розпѣзнати въ мглѣ;
вѣе не ясно свѣтилаце. То теремъ Рогнеды,
дочки княжа Полоцкого Роухолода. Загрѣмъ
въ ѡконце, цо са тамъ дѣе? Середъ ком-
наты выстеленои пестрыми покровами, си-
дитъ Рогнеда, красна якъ лилѣ въ вѣломъ
какъ снѣгъ платю. Окрѣжаютъ ю прелестны
дѣвицѣ; съ оулибкою позираючи на княгиню
оусладжно и радостно кѡнчатъ ей стрѡй. Одна
оуплѣвши магоньке какъ шовкѣ волоске а
чорне какъ гебанъ въ мистерны пѣрки, спи-
нае ихъ золотою спиною; дрдга держитъ въ
рдкахъ галѣзки миртѣ, оулювленнои Рогнеды
квѣтки, котровъ любить пристроати волоске
и припасти до грѣди; трета держитъ передъ

Рогнедою зеркало, четверта сѣкню шолковѣю, вѣлои барвы съ сръвными цвѣтами. Инши стоать въ дали съ приборами до строю: съ кѣльцами, сїающими дорогоценными камѣнами: съ ожереліемъ золотыстымъ, перлами осадженнымъ. Ледво цю перестали спѣвати, во Рогнеда любила спѣвъ подрѣгъ своихъ; спѣвъ и веселы розмовы оупрїемнаи житке въ теремѣ Рогнеды. Нѣкто не вѣдъ больше щастливъ надъ ню: одиначка въ отца князя, нимъ любелнна паче всего въ свѣтѣ, прекрасна якъ ангелъ зъ неба, а сама добра и оумственна; любыма всеми и любяща всехъ; молода якъ весна: чомѣ не мала веселитиса? Томѣ охотно радовала са, спѣвала и сладхала спѣвѣ. Лешь нинѣ видрила очи, чорны якъ теренъ, въ землю, на шномъ чолѣ застѣла задѣма, черты лица, оумѣхающого са якъ сонце въ веснаномъ поранкѣ, протагли са, посѣмнѣли; она непри томна дѣшею сценѣ окрѣжающою ю, гдесъ далеко мышлами вѣддить; возбранна грѣдъ сильно волндеса. На конецъ гадвоко ѡдот-

хнѣла, подивилася по подрѣгахъ и сказала: Чи знаете любезны мои товаришки, якій ка нинѣ страшный сонъ мала? хотѣлавымъ, але не могъ ѡдъ того сонного образа дѣшъ ѡдорвати. Марта, старша зъ дѣвиць одповѣла: Позналисьмо по твоємъ княгине посоловѣлѡмъ лицу, що якась смѣтна дѣма застѣла на серци твоємъ, и не смѣлисмо перервати. Но доки Прове, справедливій сѣдїа сердець людскихъ держить жезлъ свѣта, доки Дѣванна опѣкѣдеса непорочными дѣвицами, доти о княгине не лакай са сна страшного, якій на тебе злоставный зѡслааъ Маркопетъ. Рогнѣда. И ка не хочѣ допѣстити страшливого значена сонного видѣнїа, но однакожь мимо волѣ трепечѣ на его вспѡмненье; ото послѣхайте. Здало ми са, щомъ ходила по садѣ межи цвѣтѣщими деревьями; природа весна на оусмѣхала са премило; чѣламъ са такъ щастливою якъ нѣколи. Бѣтѡмъ стрѣлою спадае на мене орель страшного вида, схватилъ ма въ свои шпоны и оунесъ гдѣсь далеко черезъ лѣсы, воды въ темнѣю дѣбрь.

Тамъ спѣстилъ мѧ на землю; присѣлъ коло мене, и острилъ дзьовѣ авы, менѣ кровь зѣ сердца выпивати. При першомѣ оударѣ въ сердце, зѣ волю крикнула и провѣдила мѧ са.” Рогнѣда востухла и замовкла; дѣвчата также молчали, але видко по ихѣ лицу, що розказка сна здѣлала на нихѣ вольное впечатлѣнне. — Тѣтъ розтворились дверѣ въ побочной комнаты; вѣйшоу дворанинѣ и съ глѣбокимѣ поклономѣ ознакомиу, що отецѣ князь ожидае Рогнѣду въ послѣдхалной сѣни.

* * *

*

Тои самои хвилѣ, колиско призирали са комнатѣ Рогнѣды и всемо, що са въ ней дѣлало, пановалъ на лобномѣ мѣстѣ въ Попоцкѣ рѣхѣ великій. Двораны, мѣщаны, жителѣ, гостѣ шндровалиса сюда тѣда; однакожь не вѣло нѣ кѣпна нѣ продажи, хотѣ вѣло що продавати и вѣло комѣ кѣповати. Ставали кѣпками и съ собою бесѣдовали видко о якойсь важкой справѣ. Прислѣхаймоса розмовѣ трьохѣ людѣй, которы стоуѣ на воцѣ

близько кѣмира Пердна и ведѣтъ живѣ роз-
мовѣ:

Першій богатыи мѣщанинъ: какъ дѣлаете
сватѣ Мирославе; чого вы прѣѣхали миндлой
ночи до княза нашего послы: и ѡдѣ вели-
кого княза Ярополка и ѡдѣ молодшого врата
его Володимира Новгородского? Чи хотатъ
мѣ вѣинѣ заповѣсти, чи намѣрають го може
въ союзѣ съ совоуь заключити? Говорѣтъ
если знаете, во минѣ цю съ сердце не добре
ворожитъ.

Мирословъ дворянинъ: Ои нѣ сватѣ
Батьмире не вгадалистье: нѣ хотатъ мѣ вѣинѣ
заповѣсти, нѣ намѣрають го въ союзѣ за-
ключити: князѣ ищѣтъ рѣки Рогнѣды!

Батьмиръ: ой вѣдажъ вѣде сватѣ Миро-
славе, во ова ю мати не могѣтъ, а оденъ
дрѣгомѣ ледво одѣпетъ. Бѣде вѣда кажѣ,
а кто знае, чи и намѣ цю зѣ лиха не полѣ-
читъ са.

М. Князь нашъ лишилъ доуцѣ волю,
най выбераетъ кого хоче; такъ дѣлаетъ Князь

винѣ ѡдѣ себе ѡдложитъ; а чейже дѣвицѣ
выборѣ нѣкто за зле не озыме.

Третій гость нѣмецкій: менѣ видитъ са,
що Рогнѣда скорше выбере гарного молодца
Володимира, нижели старшого и вже жонатого
Ирополка?

Мирославъ: може; но и знаю оумѣ
высокопарный Рогнѣды; она готова предло-
жити старшого Ирополка, великого Кнѣзя
всей Руси, надѣ оудѣланого кнѣзя Новгород-
ского, а потомѣ . . .

Гость. Щожъ потомѣ? скажѣтъ; вы щось на
оумѣ маєте, щобы намѣ важкѣ загадкѣ розва-
зало. Вы знаете, що мы оучастъ веремо въ судѣ-
вѣ вашого кнѣзя и вашого города; якъ колвакъ
жревиі паде, однакѣ онъ и намѣ принесе долю.

Мирославъ: не маю причины передъ вами
таити, во и такъ свѣтъ досить о томѣ знае.
Кнѣзь Володимиръ не есть правовитымъ по-
томкомъ кнѣзьского рода; его родила Ма-
лѣша, клячица Сватослава. Отже дѣмна
Рогнѣда ледви сѣоче вѣти женою, рожденного
зъ рабинѣ.

Ватьмиръ : оузримъ , оувидимъ ; и я знаю сердца дѣвиць ; они молоды , лю- батъ юность и красне лице , а юндю кровь предкладаютъ надъ все сокровища свѣта , надъ свѣтовое величїе , и призираютъ раздм- ны вырахована зимной политики.

Тѣтъ розлагли са звѣдки трѣвь ; трѣвачи и вѣнарѣ городски стѣпали мѣрнымъ кро- комъ черезъ ловное мѣсто , за ними ишли чиновники , оправдающии въ торжественномъ походѣ прибылыхъ послѣвъ на княжій замокъ . Толпа людій окрѣжала походъ . Ходѣмъ и мы за ними .

Горѣ высшего кѣнца велекон сѣни , обви- той зелеными коврами седитъ князь Рохово- лодъ на золотокованомъ дронѣ ; вѣлый на немъ жѣпанъ , съ окладками соволевыми ; золотошитымъ поясомъ препосѣсанный ; на груди блищитъ звѣзда , въ лѣвомъ оухѣ сїае золотая серга , а въ ней двѣ велики перлы , середъ нихъ рѣвинъ ; — самъ князь снѣвый якъ

голавъ; головѣ мае голенѣ, аеше зъ тылѣ
космикъ волосѣвъ, борода также голена; оуса
долги звѣшены; старыкъ лицемъ милый;
жѣрва икасъ нинѣ осѣла на чолѣ его. Коло
него зъ обоухъ сторѣнѣ стоятъ два сыны его,
молодцѣ икъ соколы, въ сталевахъ вли-
стащихъ звѣздахъ съ золотыми на грѣди
звѣздами. За ними въ окрѣгѣ стоятъ: По-
садники, такожь зъ золотыми на грѣди ме-
даллами; тысячкѣ съ высокими жезлами.
Боаре, люди, житіе со знаменами, и старос-
ты всѣхъ чотирьохъ концевъ полоцкихъ съ
серебряными сѣкирами. Середѣ крѣга, близъ
кнажого престола стоятъ послы ѡдѣ великого
кназа Ярополка и ѡдѣ Новгородского Воло-
димира; сталевы ихъ панцирѣ влистають
ѡдѣ свѣтла, въ рѣкахъ держать перепшны
шеломы. Кназь повсталъ на тронѣ, держачи
въ рѣкахъ листы; посмотрѣлъ голавными
очима въ котрыхъ скоревъ малювала са, по
совранію, и такъ промовилъ: вѣсть икдю-сте-
менѣ принесли честны мѣжи, и желаніе Вашихъ
мною глѣбоко почитаемыхъ князѣвъ, наполю-

нае заразомъ сердце мое радостею и смѣт-
комъ: радостею, же таки госддарѣ почитають
ма и мою родинѣ, и хотатъ войти съ мною
въ родинны связи; смѣткомъ, же однѣ лише
донькѣ маю, якъ одно сердце въ грѣди: ко-
тромѣжъ зъ князевъ ѡддамъ ю за женѣ?
овоухъ зарѣвно почитаю, овоухъ хотѣлъ вымѣ
имѣти за дрѣговѣ; такъ мнѣ милый и поч-
тенный кротко-сердый великій князь Яро-
полкъ, якъ молодой и многонадежный сѣсѣда
мой князь Новгородскій Володимиръ. Овоухъ
прагнѣ мати, жадного нехѣлавымъ оутратити.
Трѣдно сердце моему въ такъ важной справѣ
рѣшити; для того най рѣшитъ Рогнеда
сама, съ котрымъ желее сердце ей дѣланти
добрѣ и лихѣ долю сей жизни. Сказалъ и
зновѣ оуслѣлъ на престолѣ, скончалъ; гдѣбока
тишина царствовала въ советѣ. Тѣтъ роз-
творили сѣ дверѣ, а зъ нихъ выстѣпила
Рогнеда, опровадженна съ гдѣбокою честею
двораниномъ; за невѣ видѣлъ есѣ оршакъ
дѣвиць, позосталый въ тѣни повочной ком-
наты. Она съ вѣдою заслоною, закрывающѣ

головѣ и лицѣ, встѣпая межи собраніе и граде
просто къ отцевскому престолѣ. Тутъ при-
кажаша передъ нимъ и цѣлѣе отъ князя-отца
рѣки; князь подалъ ю и цѣлѣе въ чело,
и каже. „Знана товѣ Рогнедо вѣла моя;
выверай по сердцю твоёмѣ, и рѣши непевность
отца и тыхъ тѣ присланныхъ честныхъ гостей.
Рогнеда встала, обернулася ко собранію, подала
заслонѣ, ваянула прекраснымъ лицемъ,
икъ сонце протершее хмары, посмотрѣла
жаркими очима по присутствующихъ и река:
„не хочѣ роздѣти (сына славяницѣ) ровичича, но
Ирополка хочѣ.“ (Лавр. лѣт. ст. 32).

На тѣи слова вздрогнулось собраніе;
въ послѣ оудъ Володимира закинула кровь
и оударила въ лице; очи люто занескрились;
схвативши за мечь, сказаъ: князь мой
помститъ зневагѣ свою; сказаъ и рѣшилъ.
Цѣлѣе собраніе розойшлося въ молчанію, но
каждый зъ собою винесъ прочувствіе гро-
защого лиха.

Ночь. Черны хмары залагли облаки, а въ нихъ шѣмѣло и кипѣло. Силный вѣтръ дѣлалъ о́дъ по́лночи и металлъ зимны кроплѣ дождѣ проходцамъ въ очи. Не благо вѣло томѣ, кто тогда не сидѣлъ подѣ вѣспечнымъ стрѣхи покровомъ; кто мѡгъ спѣшилъ до хаты. Не оденъ зѡмкнѣвши до себе або до знаемого, а очнѣвши о́дъ зима, мокра и перестрашѣ, и оу-сѣвши при теплѡмъ коменѣ, не мѡгъ са до-сидѣти наповѣсти, що са въ облакахъ и на земли дѣлало. Надѣ городомъ, розповѣдалъ онъ, виситъ гвѣста тѣча, изъ гдѣвины еи вылѣтають мари огнениы. Бѣсовскіи короны грають толпами по надѣ селеніа, вѣтрають видко жиръ для себе; люты звѣры страшно вѣютъ въ мращѣ лѣса; а стары сосны, оуда-раючи са вѣтвѣми одна о дрѣгѣ, трещать въ коренахъ своихъ; вѣтры Стривога видки, розпѣщенны гдѣлають, крѣтять листьемъ, рѣдѣть стрѣхи, валать зданіа, а въ воздѣсѣ розноситъ са зловражій голосъ Дива. О гивель о нещастье! По хвилѣ взвѣчани са жителѣ Полоцка до лютой вѣрѣ, що тамъ по оули-

цахъ гдлаа, и лагали на спочинокъ. Одно
свѣтло гасло за дрѣгимъ, на кѣнци всѣ по-
гасли, а сонъ гдвоній пріймалъ жителѣвъ
въ свои овѣатїа. Спать, мешь здрада чдвас.

Шо тамъ за толпа чорныхъ творѣвъ,
вѣе са чрезъ вѣрю съ вѣтрами? Сыны то
тъми, чи люди? То Володимиръ на чолѣ ве-
сѣлныхъ гостей летить въ сватѣвѣ до Ро-
гнѣды. Вставай старче; скоро ти весѣланѣ
засвѣчѣ факлю, шенѣйшѣ ѡдѣ дна, скоро на
чолѣ монухъ молодцевъ заведѣ танецъ, ажъ
цѣле мѣсто зѣ сна са порѣшнть а крики
весѣланы вѣдѣтъ ти чѣти самы небеса!

Оршакъ темный ѣздцевъ зближалъ са
до замковон брамы; стали. Началникъ
выналъ серебрянїю трѣвкѣ, свистѣ протасамї
возшивѣ са въ воздѣсѣ; задѣла разѣ, дрѣ-
гїй и третїй. За третїмъ разѣмъ таїй
самъ свистѣ ѡдповѣлъ зѣ вашты, и въ разѣ
съ нимъ спѣстїалъ са надѣ рѣвъ мѣстѣ

зводженный и отверла съ врата замчиста. Ъздцѣ тихцемъ въ ѣздилн до города. Началникъ врдчилъ при вратѣ шатаньско оусмѣхающомъ съ человекѣмъ тажкѣй мѣшокъ золота, сказавши: то товѣ тажкѣй вороже за твое проклатое дѣло.

Не бавкомъ огненнымъ изыки показали съ тѣ и тамъ на дахахъ спащихъ Полочанъ, наибольше але на Роховолодовѣмъ замкѣ; захвилю лдиа, перта силнымъ вѣтромъ, огорнбла цѣлый Полоцкъ. Зойкъ, крыкъ провдидившихъ съ мѣшалъ съ съ трескомъ спадающихъ домѣвъ и загавшилъ вѣрю, котра оустѣвила мѣсце иншой лютости. Середъ зойкѣ нещастныхъ, середъ мордѣ, равдникѣ и пожоги видко Володимира, во онъ то вдалъ началникомъ чорной толпы ѣздцѣвъ, вдерающого съ на замокъ. Икъ лютый звѣръ, якъ хищный истрѣвъ, впалъ до комнаты Роховолода, и встретилъ мѣ мечъ въ самѣи грѣди. Сыны хотѣли отца воронити, помстити, але н имъ по короткой справѣ такдю самѣ завдалъ гибель. Теперъ вдеръ съ до комнаты Рогнѣды

Она сполошена, какъ голубка въ гнѣздѣ, коли ю пастрбѣтъ нападе, зѣ страхѣ не рекла нѣ слова, лешъ везсвѣдомо обтисла покрывало коло грѣдѣй, коло шѣн, и скѣлила сѣ въ кѣттикѣ своего ложа. Но онѣ тримаючи фаная и кровавый мечъ въ одной рѣцѣ, роздѣръ дрдгою на ней покрывало, выторгъ ю середѣ комнаты, и призираючи сѣ какійсь часъ ей прикраснымъ чертамъ, сказалъ пѣлъ съ грозю пѣлъ съ сладострастною оуливною: ходи ты возбранна серцю моему, не соромисѣ роззѣти ровичича. Потомъ обвинивши безъпритомнѣ въ теплое платье, вынѣсъ зѣ комнаты, высадилъ на конѣ передѣ себе, помѣчалъ съ невѣ, Богъ вѣсть кѣда, и зникъ въ гѣстой темравѣ.

Шестъ лѣтъ по сѣмъ представлялъ Полоцкѣ слѣдующій образъ. Зѣ величѣ его передѣ спаленьемъ черезъ Володимира не лешилисѣ лишь останки. До красныхъ и вели-

чавыхъ стѣнъ, позосталыхъ зъ вдовль да-
внѣйшихъ, зрѣлъсь прилѣпленн малѣ хатинѣ,
покрытѣ тростыною; двѣрѣ князьскій палъ
въ грѣзы, также вашиа съ вѣчевымъ зво-
номъ, на иныхъ зданіяхъ позостали слѣды
актившой са тѣтка пожого. На лобномъ мѣ-
стѣ не вдало шѣмѣ тѣмѣщаго са народа:
лавки кѣпцѣвъ порожины; всюда пѣсто и смѣ-
тно. Сонце цю зайшло, насталь милый лѣ-
тний вечерь. Передъ хатовъ недалеко лобного
мѣста, трохи лѣпшовъ, какъ ниши, сидѣль
старыкѣ на лавцѣ, и пѣстилъ взрокъ задѣм-
чивый гдесъ далеко за сонцемъ. Тѣжъ по-
редъ хатѣ ишолъ чоловѣкѣ съ долгою боро-
дою, по которой са сиве кндало волосье, въ
долгой по землю и широкой ризѣ, зъ откры-
тою головою, спираючи са на великѣ палицю;
цѣсь шепталъ, очи влѣпивши въ небо; ливонъ
ци не молналъ са. На разѣ стандѣ, а свли-
жаючи са до сидѣщаго на лавцѣ, сказалъ:
Здоровъ сватѣ Ватмирѣ! Ватмирѣ выдивилъ
са шѣроко на приходца, вставши оддалъ по-
здоровленіе и додалъ: мило ми на моѣмъ

порозѣ видждъ знакомого витати, але признаюсь, не пѣзнаю кого?

Приходець: То не познаешъ свата Мирослава?

Батьмиръ. О витай ми витай по шести рокахъ невиданіа; вже не гадалъемъ въ сѣмъ жытю тебе огладати. При тыхъ словахъ пали оба совѣ въ овѣатіа.

Очднавши, зачали оба себе взаимно выпитовати, о пережитыхъ шести рокахъ и досвѣдченной въ нихъ доли. Мирославъ сталъ сѣмдвати надъ нещастновъ долеъ своей отчины, Полоцка, тымъ вѣльше, якъ са довѣдалъ, що князь Володимиръ вивѣзъ звонъ вѣчевый до Новгорода; що заборонилъ вѣче; що чоло воаръ и жителѣвъ выслаалъ на поселенье, а до Полоцка своихъ наслаалъ оурядниковъ, котры яко пришельцѣ на ласцѣ княза, дрѣтъ, тиснѣтъ, кривосддаты, что нѣмецки кѣпцѣ опѣстили городъ, а съ ними высуло Полоцкови жерело изъовиліа. Старики замовкли и гѣсты слезы пѣстили са имъ зъ очей. По хвили сказаалъ Батьмиръ до Ми-

рослава: Теперь ты сватѣ розповѣжь мнѣ
твой досвѣдченъа, не меньше цѣкавы а може
и не меньше скорены якъ мой. Мирославъ
востхнѣлъ глѣбоко, и зачалъ свою рѣчь такъ
правити: По нещастной оной ночи, въ ко-
торой мою найдорощъ женѣ и мои дѣти со-
кола та вороги оувили, а съ ними и мое ща-
стье, оувѣгъ емъ зъ горада, и вадкалъ емъ
са везъ свѣдомости самого себе не знати
къда. Дешъ темно си пригадѣю, цо выйшолъ
емъ вдалъ на шлѣкъ широкій, котрымъ та-
гло са много людей пѣшки, конно и возово.
Съ ними мимо волѣ зайшолъ емъ не знаю
по якѣмъ часѣ до Кіева. Кто мене кормилъ,
кто о нѣчлѣгъ са для мене старалъ, не свѣ-
домо мнѣ. Въ Кіевѣ порозходили са люди
по все стороны, а я лишилъ са самъ середъ
зимной и темной ночи. Звѣдженный на тѣлѣ
и на дѣши палъ емъ везъ прытомности. По
долгомъ времени, коли по тажкой славости
зновъ зачало са розаснати мое познатье,
оузрѣлъ емъ са середъ малой тепленкой ко-
мнаты; надъ мною сѣдѣлъ старикъ съ си-

вою вородою въ долгиѣхъ чорниѣхъ рызаѣхъ. Мило позиралъ на мене, а коли позналъ, що я цѣкаво, хотъ ще славо смотрю до кола, рекъ: Слава Всевышньомѣ душа и тѣло приходатъ до здоровлѣ. При троскливѣмѣ стараню старыка полѣпшало ми са що днини. Старыкъ розповѣлъ, що ма найшолъ лежащого на дорозѣ везъ смысѣлъ, занесъ до себе и сталъ са мновь опѣкѣвати; я оповѣлъ емѣ навзаимъ, щомъ зналъ о моей доли. Коли старыкъ вивѣдалъ са о моемъ нещастю и оузналъ, що вспомненъе, роздерающе сердце мое, грозило мнѣ попасти са зновъ въ хоробѣ а може и въ безвмѣе, сказалъ до мене лагѣдненько и миленько, а голось его проникалъ мнѣ до сердца: Дерзай сынѣ, не отдавай са розбѣцѣ; свиривсѣ силы и оуповай; я ти вскажѣ лѣкъ, котрый загонтъ ранѣ сердца твоего, и знайдешъ щастъе, милѣйше и солодше якъ передъ тымъ. Пѣлъ съ недовѣренѣемъ слѣхалъ емъ слѣвъ старыка, отца Іоахима; но певнѣсть, съ яковъ тѣи слова выголошѣвалъ, взоръ, полень до-

вроты и любви; его повага, котра конечно
честь въ минѣ возведла, а наконецъ та
бацивска опѣка, якои ѡдъ него оуже дѡзналъ
емь, возведли въ дѡши моей какюсь сила,
иѣвы голосъ непонатной миѣ надѣи, котра
зѣ разѡ славо одзивала са, але съ кождымъ
днемь росла. Вже зѣ моей комнаты чѡлъ
емь ликющихъ по оулицахъ колады, коли
мѡгъ, емь зѣ ложа першій разѣ пѡд-
нести са. Якъ емь цѣакомъ прійшолъ до
здоровя, казалъ миѣ отецъ Іоахимъ одно-
го поранка, тепло придѣтиса въ одежи при-
готовлены для мене; взялъ ма за рѣкѡ, и
рекъ: ходи сынѡ, покажѡ ти, якъ мы хри-
стіане Бога хвалимо. На тѣи слова прошивла
ма якась дрошь, и воздрогнѡвши са, выхо-
пилъ емь поданѡ рѣкѡ; але старыкъ, знаючи,
що са въ моей дѡши дѣлао, подивилъ са
на мене такъ лагѡдно и такъ мило, що по-
красилъ емь зѣ сорома, въ той часѣ по-
далъ емь мѡ рѣкѡ, и пѡйшолъ емь за нимъ
везѣ. опора, кѡда ма велъ. — Крѣнкій морозъ
стиналъ воздѡхъ, снѣгъ трещалъ пѡдъ но-

гами; крѣпки свернулись крѣпками по дорожѣ; солнце искрило са черезъ гдѣтый ннй на деравахъ: мене тѣшила красота природы, давно вже мною не виданной, и лагодила вѣль сердца. Мимо волѣ погадалъ емъ си: такій то мило на свѣтѣ жити! Теперь прійшлисьмо передъ церковь, величавый храмъ, книгиней Олгою ставленный. Не видалъ есь сватѣ такого храма, и ледви могъ вымъ образъ его въ дѣши твоей составить. Вхходимъ до церкви: що за велелѣпота оударилла очи мои! а кки пѣнїа невесны! Здавало ми са, що са нево передъ мною отворило; чѣство влаженне нѣколи не знане, не прочѣване, проникло дѣшѣ мою. И тѣтъ вѣль вымъ провѣвалъ во вѣки. — Не знаю, якъ долго трвала нхъ ѡдправа; на конецъ все оумовкло. Отецъ Юахимъ вывелъ ма зъ храма и запыталъ: Кажи сынѣ, якъ ти са наше здадо богослаженїе? И не малъ слѣвъ, авы мѣ мою радость въ тѣмъ взглядѣ докладно показати.

Онъ: дѣмалъ емъ, що такъ буде, но знай
що не меншою радостею и цастанвостею на-
полнить са дѣша твоа, коли пѣзнасть самого
Бога, и его свѣтѣ волю. Чи хочешъ сынѣ,
авымъ та съ нашовъ вѣровъ познакомилъ?
И на тое охотно согласилъ са, — и сталъ
са Христа визнавателемъ. Не дивись такъ
ладно на мене Батьмире; не змѣнилъ емъ
са на горше, але на лѣпше. Веселъ ма то-
гда почиталъ и любилъ, колима разомъ съ
тобовъ служилъ бездушнымъ болванамъ, те-
перь виненъ есъ ма тымъ больше чтити и
любити, коли служд едномѣ правдивомѣ Богѣ.
Оузнай Батьмире, що отецъ Іоахимъ правдѣ
казалъ: вѣра Христова, оулѣчила болащѣ
дѣшѣ мою и помирила съ симъ свѣтомъ;
она здоймила грѣшѣт заслонѣ зъ очей моихъ,
и ажъ теперъ ясно прозрѣлъ емъ; она очи-
стила ма ътъ порокѣвъ; она освободила волю
ѡдѣ оузя и пѣднесла ю къ вышнимъ цѣламъ.
Пѣзнай врате, восьмо все дѣти небесного
отца, тое небесное свѣтло, а ты прильгнешъ
до него дѣшею и серцемъ. Коли Мирославъ

превозносилъ тѣи слова, очи мѹ палали вдо-
хновеньемъ, лице покраснѣло, самъ якось
сталъ высшимъ. Ватьмиръ вѣдривши очи
въ землю, не сказалъ нѣ слова. Нѣчь глѣ-
вока вже овнимала землю, а мѣсяць тихій
взнеслъ сѹ высоко на небѣ; наши знакомы
пѣйшли въ молчаню до хаты на спочинокъ. —

Сонце ледви зачало показовати рѣмане
лице зѣ за горы, коли Мирославъ выйшолъ
зѣ хаты, день божій молитвою повитати. И
все що жило въ природѣ Богѹ сѹ молило:
цвѣтки порозтворали пищики свои и выди-
хали вонь примилѹ яко кадило передъ Бо-
жимъ жертвенникомъ; деревья, вилины при-
строили сѹ въ росы перлы, влыстащи ѡдъ
сонца нѣвы дорогоценны камѣнѣ на жер-
твенникѹ божѹмъ а жайворонокъ, взлетѣвши
пѣдъ небо вызваналъ голосно на оутреню.
Мирославъ взнесъ очи до неба, пославши тамъ
свою дѹшѹ и сердце. Тревала долга торже-
ственна хвила. Вже сонце значно въ горѹ
выскочило и зачало пригрѣвати, коли провѣ-
дившій сѹ Ватьмиръ ненайшовши госта въ

ложи, зачалъ за нимъ шукати. Оуврѣвши го на волони, поспѣшилъ чимъ скорше до него. Поздоровивши съ сердечно взяли съ сваты пѣдъ рѣки и пѣшли далѣй въ поле. Бать-миръ вѣлъ Мирослава на сѣножать, где сподѣвалъ съ на нинѣ косарѣвъ. Среди гаю молоденького зъ которого лешъ тѣтъ и тамъ возносилса дѣвъ поважный, якъ отецъ среди молодого поколѣна, розпросторонала съ розкошна долинка, якъ вѣнцемъ гаемъ окрѣженна. Рѣжнопарвы цвѣти, на пѣль съ зеленевъ травовъ пестрѣли и пахли; на нихъ сѣдала ровѣча пчола або медѣ лакнѣщій чмѣль; вренѣли, змѣли, а польный коникъ своимъ стрыканьемъ додавалъ гармоніи розмантости. Икаса оуроча любовсть розлана вѣла въ воздѣвъ. Мѣстки люди не знаютъ щастья, яке дае природа.— Косарѣ зачали съ сѣходити, и постававши въ радѣ одинъ за дрѣгимъ, почали стинати краснѣ травницю. Наши дрѣги, посмотрѣвши на робѣтниковъ, и повлагословивши дѣло, зѣшли на вѣкъ и посѣдали

на горбочкѣ въ тѣни розложистого столѣтнего дѣва.

Батьмиръ: Твоя вчерашна вестѣда брата Мирославе долго не дала ми вснѣти; я дѣмалъ дѣмалъ и не мѡгъ са роздѣматн. Оуповаю въ твои слова, во оуповаю въ тебе; зачимъ бѣдешъ ласкавъ мене съ вѣровъ твоевъ познакомити. Однакожь, нѣмъ пристѣпимъ близше до подченїа, хотѣлывымъ цѣкавѡсть свою владомъ нѣкоторыхъ рѣчей заспокоити. Оповѣжь ми, сли вола, гденещо о Кїевѣ, о котрѡмъ такъ голосно по свѣтѣ; цы истинно така его величнѡсть якъ розказдють, цю називаютъ сердцемъ Рѣси?

М. Ненначн; послѣхай а оувидишь. Власне коли въ Полоцкѣ выбралъ-емъ са, працалъемъ са съ нимъ: впечаталѣнїа его зостандтъ въ дѣши моеи на вѣки. Среди незмѣрымой рѡвинны перерѣзаной одъ пѡлночи на полѣдне серебряною вѣстагою Днѣпра, вѣноситъ са на правомъ его верезѣ крѣглаа гора; тамъ розложилъ са роскошно и величаво Кїевъ. Вѣршокъ горы окрѣженной валами и стѣнами, зала-

гли заданія публичнаго горожанскаго житія; низше горы ажъ до Днѣпровои низины разстѣлалася селенія жителей, и ѡдѣ полдана и ѡдѣ всхода, какъ гнѣзда ластѡвокъ до горы поприлѣпаны. На горѣ точатъ са справы публичны: тѣтъ княжь дворъ; тѣтъ ловное мѣсто; тѣтъ вашна зѣ вѣчевымъ звономъ тѣтъ внесенный столъ, где говоритъ са до народа. Бѣче врате въ Кіевѣ, то не въ Полоцкѣ; и численнѣйши и мѡдрѣйши, и своводиѣйши; во тѣтъ народъ образованный; а где народъ образованный, тамъ правда ликѡе тамъ законы сваты, тамъ кождый безпечный только злочиньца нѣ. На пѡлночномъ конци горы возносится горель крѡглистый; въ его пѣсковыхъ нѣдрахъ вырили совѣ черницѣ свои келіи, гейвы норы крытыны; есть то сватый Печерскъ; тѣтъ живѡтъ и тѣтъ ховають са они по смерти, Ихъ але тѣла не педють са; одѣ вѣка спочивають гейвы спали, не змѣнивши образа лица. Сама гадка на св. Печерскѣ наполнае ма благоговѣнїемъ; во ѡдси розточае са свѣтло правды христовой и его

спасительной силы, тѣтъ привитоѣъ святости; тѣтъ тышина вѣчна; тѣтъ пристань ѡдѣ върливыхъ мечтаній жизни. Святая Ольга поставила черницамъ надъ ихъ пѡдземными норами величавый монастырь и велелѣпнѡ церкокъ.

Пѡйдѡмъ теперь по степенамъ мраморнымъ черезъ золотѡ брамѡ въ долину, а они насъ заведѡтъ середѣ кипащю жизнь народа. Какъ мѡрашки розсѣались по межи селенія крѡтатъ са, ходатъ, стаютъ, свераютъ са кѡпками, и зновъ розсыпѡютъ са на все стороны. Найболше але шѡмѡ и шастана са на лавочномъ мѣсци, где кѡпцѣ розложили свои крамы, — и въ пристани Днѣпровой. На лавкахъ въ вѡдахъ радомъ поставленныхъ и зѣ той и зѣ той стороны, такъ цо са творитъ оулица, розложены товары вселякого рода; найкрасши царогородски; прекрасны шовковы тканины вселякого цвѣта, аксамиты, золоты, каменами дорогоцѣнными набыты приворы до женского строю; паполумы въ цвѣты, и всякаа всачина иишнѣхъ рѣчій такѣхъ не выповѣсть азыкѣ людскій. Я какѣи

тамъ рѣжнородны люде: Царгородски въ долгихъ, красныхъ жбпанахъ, много на нихъ шовкъ и золота; Пѣмцѣ въ обтысненныхъ нагавищахъ, въ короткихъ кѣртахъ, наибольше синього цвѣта; ва видко останки скитѣвъ въ кожахъ звѣринныхъ, закрытыхъ съ головою съ лѣкомъ черезъ плече перевѣшенымъ, не ѡдѣтвнымъ товаришомъ. Въ пристани одвиваютъ ѡдъ берега лоди; вже перши поплыли, посаѣдны плавателѣ ще сѣ прашаютъ съ жителями Кіева; пють щось зъ сосѣдѣвъ среврныхъ, плескають си въ рѣки, сѣдають и отплывають, а мѣзыка рѣзько грае на одѣзднѣ. Пѣстили сѣ чайки одна за дрѣгой якъ леведи; ихъ жалѣ влищатъ въ лѣчахъ сонца, громкій голосъ спѣвѣ долѣтае ѡдъ нихъ до оуха; оуже зникли на заквѣтѣ. Кажижь врате гдѣ толко велелѣпнѣ, толко богатѣвъ, толко жизни, гдѣ сплавваютъ соки цѣлой Рѣси? цы не годить сѣ назвати Кіевъ сердцемъ Рѣси? Кѣпцѣ ѡдъ запада кажѣтъ: Польща о кѣлько намъ леше знана, о кѣлько черезъ ню веде шлакъ до Кіева?

Б. Таксъ въ минѣ вратѣ розвѣдиль охотѣ, видѣти Кіевъ, щовымъ ще не вагаль са мои стары кости тѣда потрѣдити.

М. Потрѣди, потрѣди, сли можешъ, бо лѣчше розпѣзнанкѣ овщой матери отчины возвѣджае мѣцнѣйшѣ любовь къ ней, пѣдставѣ всакихъ цнотѣ горожаньскнхъ.

Б. Розповѣжь ещѣ, сли, ласка, шкимъ чиномъ Володимиръ завладѣль Кіевъ, и шка сѣдѣва Ярополкова, во мы тѣтъ лешъ мрачно и непевно о тѣмъ зачѣли.

М. По нещастной оной ночи Володимиръ оунесши Рогнѣдѣ до Новгородѣ, выбрала са съ многими войнами пѣдъ Кіевъ. Ярополкъ въ немъ затворилъ са и не подобно вѣло Владимирови Кіева довѣти. Не могѣчи просто дѣйти до цѣли, затребовала криво. При Ярополцѣ жилъ повѣрникъ его и задшникъ Блѣдъ; до него высалаъ Володимиръ тайкомъ и сказаъ мѣ: дамъ ты великѣ кѣпѣ золота и дорогоценныхъ камѣнѣвъ, и всего що самъ схочешъ, и вѣдѣ та чтити мѣсто отца, помози минѣ врата моего Ярополка оувити.

Блѣдъ согласилъ са; но тѣжко было дѣло въ Кіевѣ сполнити, во Кіевлане любили Ирополка. Блѣдъ взалъ са за тѣмъ иного сподѣвѣ: зачалъ Ирополкъ предкадати, же не възпечно емѣ въ Кіевѣ сѣдѣти, во Кіевлане змовѣ чинать и хотать князя передати. Трѣсливый Ирополкъ оувѣрилъ; оуѣшолъ въ ночи зъ города; Володимеръ заналъ Кіевъ. Теперъ Ирополкъ затворилъ са въ вѣрнѣй мѣ крѣпости Роднѣ, кѣлка верствъ низше ѡдъ Кіева на Днѣпрѣ, гдѣ малъ храврѣ кѣлкъ-тысячнѣ залогѣ. Володимеръ осадилъ Родно, але не могъ є взати; въ крѣпости почалъ докѣчати голодъ. Тѣтка Блѣдъ нѣвы вѣрныи товаришъ нещастного Ирополка, зачалъ мѣ предкадати, що крѣпость долго держати са не може, голода ради, що лѣпше вѣде братѣ са покорити, а онъ запевне помилѣе и одствитъ часть волостей своихъ. Ирополкъ сподѣвала са така рада; послалъ за тымъ Блѣда до Володимира, авы го съ вратомъ помирилъ. Блѣдъ вскорѣ зъ Кіева вернѣлъ са, немѣгъ са доситъ о милости Владимира къ Ирополкъ

наповѣсти, и же го вратъ въ своей палатѣ зѣ отвертыми ожидае раменами. Ирополкъ въ смѣткѣ потѣшился и поспѣшилъ къ Кіевѣ. Блвдъ якъ злыи дѣхъ не одствовалъ его; Въ княжой комнатѣ, до которой Блвдъ розтворилъ мѣ дверѣ, и заразъ ихъ за нимъ заперъ, авы вожры, которы съ Ирополкомъ вдали, не входили до комнаты; ожидала Ирополка смѣрть. Оукрты звроевники выпали и прошили мѣ мечами сердце. Такъ кончилъ Ирополкъ.

В. Икакже сѣдѣва Рогнѣды?

М. Печална, нещастна! Болодимиръ введе зѣ порока въ порокъ. Обложилъ сѣ розстными дѣвами; гдлае, пирде, а вѣднаѣ Рогнѣда запѣзнана, опѣценна въ тихости слозы проливае. Розпѣстный князь, хотѣвши цѣлкомъ позвѣтисъ непрѣзкъненного совѣ вида Рогнѣды, казалъ ю вывести въ темныи боры надъ рѣкѣ Леведѣ; тамъ оддалена одъ свѣта грѣситъ горестно якъ леведъ съ своими чотырма дѣточками. Дѣрваки поютъ тихцемъ по хатахъ пѣсни о Рогнѣдѣ Гориславѣ.

Тѣтъ заточилъ са вѣзъ на сѣножать; въ немъ вдали стравы для косарѣвъ. Гонце засѣло наввысше мѣсце на невѣ; посѣдали на полденокъ. За кѣлька хвиль тышина пановала со-вершенна, только щекоть збѣвъ розлагалса въ воздухѣ.

* * *

Надъ Леведою середъ темныхъ ворѣвъ стоитъ домъ, вѣлый, тихій, ѳдлюдный. То мешканье Рогнѣды. Поранокъ весенный. Гонце продераючиса черезъ вершки высокихъ ялицъ, пѣскае золоты прѣги по молодой травни, по которой вожа рѣка гѣсто розсѣпала рѣжноварвны цвѣты. Четверо дѣтѣкъ, красны якъ ангелы, золотоволосы, мнооки, рѣмано-лицѣ, вѣгають по травни; у шѣкаючи що найкрасшихъ цвѣтѣвъ, то ондчи за блистачимъ мотылкомъ. Мати ѣ, сперши на рѣкѣ краснѣ головѣ въ вѣдѣихъ пѣклахъ крѣчого волоса, зъ корыхъ яснѣ якъ мѣсаць лице середъ темного неба сѣде, слѣдитъ слезнымъ окомъ игры дѣтинны, и говоритъ: ой дѣти-

мои дѣти, дрѣны сокола, давно вы и
вѣла въ вырѣ Лебеды вергла са, а во въ
камень головѣ розвила, а вы конецъ положити
воламъ и горестамъ моего сердца, если вы
не вы. Вы мнѣ приросли до сердца, вы ма
тримаете на семь свѣтѣ. О камѣнны воги!
пощосте на сей свѣтъ ма выпхнѣли! а вымъ
терпѣла и рыдала! о твердый Пердне! тысь
твоевъ стрѣловъ розтрѣскала мое щастье;
розтрѣскай же заразомъ и мое сердце, а вымъ
не чѣла волю, палашого ма огнемъ пека-
нымъ, а вы грѣсть не пила крови моей въ
день и въ ночи! о Прове! ты сѣдишь мірови,
ты Богъ несправедливости! каенѣ вамъ воги
безчѣвствителны и прозираю моцъ вашѣ!
При тыхъ словахъ очи Рогнѣды занскрились
лице почервонѣло и зновъ повлѣдо, цѣ-
тѣло напѣжилось страшно. Тѣтъ привѣгъ
наистаршій хлопчикъ Ярославъ, шестилѣтъ
дѣтина, держачи въ рѣкахъ пѣчокъ красныхъ
цвѣтокъ; пѣднесши го къ матери рекъ: т
зновъ сѣмѣешь мамонько: не сѣмѣи, не сѣ-
мѣи! дивиса якъ тѣ въ околѣ красно, якъ

намъ тѣ добре при тобѣ. Возьми цвѣточки ,
найкрасши зъ сей долины, и пристрѣй ними
волосы; тобѣ такъ вѣде хорошо. Хлопчина
дивилъ сѣ при тыхъ словахъ такъ мило въ
очи матери, що она го зъ землѣ поднала, къ
сердцю притисла, горячими окрыла поцѣлн-
ками и рѣсными овлала слезами. Серце передъ
тымъ зледенѣле, расплылось въ чвствахъ
горячон материньскои любви, а лице зновъ
розаснило сѣ красотю. Тѣтъ далъ сѣ чѣти
передъ хатовъ гомѣнъ и тѣпѣтъ конскихъ
копытъ. Рогнѣда зиркнѣла и вздрожала: прѣ-
тѣхалъ мѣжь ей съ численною дрджиною по
двоухъ рокахъ до ней въ гостинѣ. Стѣдѣлъ
высоко на кони, одѣтый въ сталева зверою.
На головѣ шелома, гдѣстый перопдшь осѣнналъ
ервоне палающе лице; Рогнѣда поддмала: лю-
мий истрѣве, зновъ прилѣтаешъ спивати зъ
серца кровь мою. и завравши дѣти а най-
менше взавши на рѣки, поспѣшила мѣжови
на встрѣчь. Лѣтъ шѣтъ стисолотъ хлопчина го
Въ великѣй сѣни шѣмно и гварно; ры-
царѣ сѣдять коло стола; ѣдять и пють, на-

полнаючи реготами въздухъ; Рогнеда съ при
тавленными въ грѣди востхненными оуслабде
тихо гостѣ.

* * *
Вечеръ. Въ комнатѣ Рогнеды посѣдмѣло:
совершенная тишина; сребренный мѣсяць за-
зеркае цѣкаво черезъ ѡкно и озаряе лице Ко-
лодимира, спящого на колѣнахъ Рогнеды.
Она держитъ на лонѣ своемъ голову оубѣицы
отца и двоухъ братьей, звѣрителя своего ща-
стѣ. Дика мысль прошибла черезъ адшѣ
Рогнеды; очи сверкали люто. Скланяе голову
спящого на вѡкъ; зрываетъ са; хватаетъ за
мечъ и выторгаетъ его изъ ноухы, ажъ врижотъ
по комнатѣ роздалъ са. Мечъ вланидалъ въ
ей рѣкахъ; просто змѣряе въ грѣди Коло-
димира. Онъ провѣдчалъ са; въ мгновѣннѣ
вытѣрталъ мечъ изъ рѣкъ славыхъ Рогнеды
самъ держитъ сильно въ рѣкахъ своихъ
съ крикомъ голосить: ты вража доню ширѣ-
рового рода, розѡдрѣ такъ шпонахъ монухъ!
На той крикъ кпадаютъ дворяне, воаряетъ

факлами; выдѣраютъ оmdlѣдъ. Рогнѣдъ зѣрѣкъ Болодимера, и кажѣтъ: Стой княже! тысь оубѣйца еи родича и вратѣвъ; она невинна; не забивай матеръ чотырьохъ сынѣвъ твоихъ лѣчше отдай еи и дѣточкамъ твоимъ Полоцкъ, Рогнѣды отчинѣ. Колодимиръ очѣнавши трохи зѣ лютости; выпалъ зѣ комнаты, досѣлъ коня, и разомъ съ дрѣжиновъ пропалъ въ мглѣ ночной.

Въ комнатѣ Рогнѣды сѣмно якъ въ гробѣ; одна лампа непевнымъ свѣтломъ розганѣе темнотѣ; тихо. Рогнѣда лежитъ на постели безъ вспѣдчастѣа съ мѣромъ, безъ почѣвствѣа своего состоанѣа; жива тѣломъ, лѣшь не жива дѣшею. Сѣхнмъ окомъ позерае на дѣти свои, окрѣжающѣ еи ложе, цѣлѣющѣ рѣчки еи. Старши плачѣтъ менши прочѣтъемъ лезнѣ очината въ матеръ влѣпивши, сѣмѣютъ хотѣ не понемаютъ причины своего нещастѣа Марда, вѣрна Марда, товаришка колѣсь щастѣа Рогнѣды, а теперь нещастѣа, сидѣтъ въ ногахъ своей панѣ, и тихо рыдае. — Скрипидли дѣверѣ; вхѣодитъ чѣловѣкъъ подорожный,

въ долгиxъ ризахъ, съ долгою бородою, по ко-
трѣи сиве кидаетъ са влосье. Милымъ хотѣ
свѣтнымъ окомъ споглаждаетъ на Рогнеду, при-
ближаетъ са звѣла до ложа, и кажетъ: Рогнедо,
любленна нами доню почтенного Кнѣзя а го-
сподара моего Рохволода, не познаешь ли
вѣрнаго слугѣ твоего Мирослава? Иже то тебе
на рѣкахъ монахъ носилъ дѣтиною: какъ то
твоими цвѣтами дѣтинными веселилъ дѣшю
мою; и тобѣ цвѣты носилъ зъ садочкѣ, ты
въ монахъ очахъ росла, какъ красна аниа,
ты теперъ не хочешь познати вѣрнаго дръга
твоего и твоей родины! Рогнедо великосер-
дечна, позри на ма хотѣ разъ ласкаемъ
окомъ и промовъ одно слѣнце, або оумръ зъ
розпѣки! — Рогнеда долго дивила са въ тварь
Мирослава; очи зачали наворачати житѣ, потомѣ
покотилася зъ нихъ рѣсны слезы; поддала
рѣкъ Мирославоу, которѣ онъ покрылъ горь-
кими поцѣлѣдами и сказала слабымъ голо-
сомъ: витай вѣрный Мирославе! въ добръ
приходишь порѣ; вѣдешь дръгимъ отцемъ
вѣдныхъ дѣтѣи монахъ; бо я, не здала до

свѣта вскорѣ съ зъ ними розстанѣ. Рекла и слозы поплыли стрѣлами. — Мирославъ тихо плакалъ, держачи еще рѣкѣ Рогнѣды въ своихъ рѣкахъ; потомѣ възнѣсь очи до неба и рекъ: О Боже правды и Бышый, малъ есь надъ мною милосердіе; здѣлай и тѣтъ милосердіе твое; най душа чиста и притерпѣвша тѣтъ вже чистевіи мѣки, не оумерае везъ ласки твоей, но най живе для хвалы твоей и для спасительного провода дѣтамъ своимъ. Рогнѣда, не роздѣлючи до половины слѣвъ Мирослава, але прочѣвствѣчи ихъ блаженною духа, подивила съ на него мило, а на вѣдѣныхъ оустахъ засѣлаъ славы на полъ торкѣй оусмѣхъ, и зникъ. Она сказала: не зивай для мене жизни, для мене вже нѣтъ дѣти; сердце мое зѣвало, зѣсхло; лешъ го индти въ могилѣ, авы тамъ до решты спелѣло.

Мирославъ: Богъ всесильнъ, Богъ до-
вротливъ.

Р. Дармо вогѣвъ звиваешь, они бездѣшнѣ, камѣнного сердца, какъ кѣмиры, котры имъ безѣдмнѣ люди ставляють.

М. Оуповай въ Бога единого, правдывого, Бога Христіанского, а не въ бездѣшнѣ балваны; оуповай въ того Бога, которого вѣрный твой Мирославъ визнае!

Р. Чи ты досѣдчилъ его силы и его благодати, шо такъ мнѣ своего Бога выславляешь.

М. Досѣдчилъ Рогнѣдо, досѣдчилъ. И я такъ оупалъ вѣлъ, какъ ты, на дѣсѣ; во я стратилъ все, шо ма до жита вѣдало, онои нещастной ночи: любленнѣ жѣнкѣ и трое дѣточокъ! Свѣтъ ми вѣлъ почорнѣлъ, а вѣдѣши моеи стало, какъ въ гробѣ! Дивис менѣ вже сивѣе волосѣ, а вѣкъ зачене ро вити хреветъ мѣи; я не маю нѣкого, нѣкор зъ моеи крови на свѣтѣ: а нѣ отца, нѣ матери; нѣ жѣнки, нѣ дѣтѣи; и нѣ вратѣвъ, и сестръ; самъ оденъ на свѣтѣ, какъ величка въ поли. Я прецѣнь нинѣ миле житье менѣ.

Дой, що свѣтъ сотворилъ, и человѣка, що
намъ далъ познанье и чѣство, везъ которо-
волѣ волосъ зъ головы не спаде; — той ласкѣ
свою на мнѣ показалъ, и примирилъ ма съ
свѣтомъ. Дивись Рогнѣдо, якій и черствый
и веселый мимо моего вѣка, мимо осамѣлости
моей, но и не самъ, Богъ съ мною, а весь
міръ родина моя, врата мои. И ты въ цвѣтѣ
молодости, окръженна красными дѣточками;
ты хочешь оумерати; ты маешь для кого
жити, съ кимъ съ веселити, товѣ ще житье
радостно оумсѣхне съ.

Р. Не говори, не худи! Мнѣ вже не до
жизни, но до смерти; збридло ми житье пдсто
ми и гидко на семъ свѣтѣ, радавимъ якъ
искорше съ нимъ съ розстати; лешь ми
лъ дѣти мои соколата сиротами по-
дати!

М. Ой мати! мати! ржа на сердце сѣла;
и не хочешь правдъ яснѣ оумомъ чистымъ
понемати!

Р. И еще маю одно желанье; исполни
го мнѣ вѣрный мой дръже.

М. Кажи, сполню! во кто желаетъ, жизнь
въ совѣ мае; а кто важае желанье сполнити,
той не вмераетъ, но хоче жити!

Р. (съ весельшимъ) взоромъ: Ой Ми-
рославе, крѣтый оумъ въ тебе; и свое, ты
свое. Мое желанье есть: якъ оумрѣ, зане-
сѣтъ кости мои до Полоцка; на тамъ спо-
чиваютъ въ одной могилѣ съ моими роди-
чами, съ моею родиною, на материнной
земли.

М. Богъ дастъ, такъ ми мовить голосъ
тайный; и заведѣ тамъ тебе живѣ и веселѣ, съ
твоими дѣточками; а Полочане выйдѣтъ на
на свстрѣчь, полны радости, полны веселѣ
старцѣ озмѣтъ дѣти на рѣки, вѣдѣтъ т
всказовати и скажѣтъ: дивѣтъ, то наша п-
нѣ, наша мати; дѣвчата вѣдѣтъ ти цвѣты
пѣдѣ ноги стѣлти, а цѣлый нарѣдѣ вѣде та
съ восклицаніями пріймати: Витай намъ ви-
тай, дорога княгинѣ; съ товоу зникло намъ

очи
неба и такъ съ
чаши, но душа и сердце розъ
Богомъ.

Рогнеда не могла бдѣ него оч
здѣмѣла; здало са ен, що вѣ
доселѣ, зачала вкоренати са вѣ
очи шкось гадѣли беселѣйше; с
оживили са; наврала слани и нѣ
ложи. Тѣтъ розгвѣкъ тѣлота коньск
са передъ хатовъ; впаде гонецъ
Яромира до комнати; кланясь ни.

Рогнедою, и врѣчае ен письмо. Рог
хачою рѣдкою розломѣе печатъ ен читас
Рогнедо, жено и мати дѣтей моуъ!

Завѣдъ що са стало, и ен завѣдѣ. Одселѣ
и ти павѣе мнѣйше жизнь твою, вертай
и Полоцкъ, твою ваткѣвщину; вертай тамъ
съ дѣтьми; и розраждай нею по воли твоей!
Жолоди меръ.

Р. И еще маю одно желание; исполни
по мнѣ сѣрный мой другъ.

М. Кажу, сполню! во кто желавъ, живи
въ свой маю; а кто вжавъ желанья, ^{ПОД-}
тоя не кадрею по уму жи ^{ВЪ НИМЪ}

Р. (съ ^{ПОСЛАМ}

добрый, ири ^{ПОСЛАМ}
добрый, ири ^{ПОСЛАМ}
добрый, ири ^{ПОСЛАМ}
добрый, ири ^{ПОСЛАМ}

М. Бон ^{ПОСЛАМ}

добрый, ири ^{ПОСЛАМ}

добрый, ири ^{ПОСЛАМ}

добрый, ири ^{ПОСЛАМ}

добрый, ири ^{ПОСЛАМ}

М. ^{ПОСЛАМ}